

НЕПРИМИРИМЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Алина Устинова

Алина Устинова

Непримиримые разногласия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73183813

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать лет брака разбиваются об один развод накануне самых важных выборов в его жизни. Он идёт к власти, она – прочь из его тени. Но ради его победы им придётся сыграть в идеальную семью один последний раз, пока ожесточённая битва, в которой участвуют не только они, но и их дети, друзья и адвокаты, тихо набирает обороты. Сможет ли вынужденное притворство заставить ответить их на главный вопрос: разве взаимная любовь – гарант сохранения брака?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Непримиримые разногласия

Пролог

«Я подаю на развод», – с этого всё и началось. Точнее, всё закончилось. Четыре слова, и они перечеркнули все пятнадцать лет совместной жизни. Четыре слова – и всё потеряло смысл.

«Я подаю на развод». Бум! Со страшным грохотом только что рассыпался их, казалось, нерушимый домик. И надо понимать, что он был не стеклянный и не бумажный, а бетонный. А пока он с лёгкостью переносил бури и ураганы, они решили устроить ему землетрясение. Вот домик и упал. И они вместе с ним.

Мысль о разводе, бывало, посещала их и раньше. Хотя ничего необычного они в этом не видели, ибо такие мысли часто посещают людей, когда они на взводе, во время очередной ссоры. Они говорили друг другу про развод только лишь для того, чтобы сделать большее, потому что дальше слов идти были не готовы. Не решались. Несмотря на то, насколько громкой была ссора. Но в этот раз точка кипения, похоже, была достигнута и даже преодолена. В этот раз они улетели в такой далёкий космос, что не смогли вернуться на землю.

вместе. Не хотели возвращаться вместе.

Они часто ссорились. И года не обходилось без двух крупных ссор. Скандалы и погромы тоже были частью программы, но большую часть времени дом всё же находился в безопасности. В последнее время ссоры участились. Настолько, что даже их дети, которые обычно всегда молчали и никогда не упоминали где-либо и когда-либо об этой части жизни своих родителей, стали высказывать претензии.

– Папа, вы уже реально достали. Если не можете жить вместе, то расходитесь, – сказала ему его дочь, пока её мать отсутствовала.

– Между прочим, она в чём-то права, – согласился его сын.

– Ой, помолчи, придурок, – сестра кинула в него полотенцем. – Вы понимаете, что нельзя так жить? Всё должно быть в гармонии. А не в вечном скандале.

– Да что вы знаете? – их отец был раздражён. – Вы хоть понимаете, что предлагаете мне разрушить мою семью? Вашу семью?

– Знаешь, пап, – дочь вздохнула. – Возможно, наша семья уже давно разрушена. И единственное, что нас всех держит вместе – это наш общий дом и ваше свидетельство о браке.

– Почему?

– Мы не хотим возвращаться домой.

– Почему? – он повторил. Настоячивее.

– Ты всё время на работе, мамы тоже часто дома не бы-

вает, а как только вы появляетесь, то обязательно находите причину для перепалки. К тому же вы даже спите теперь в разных комнатах. Разве не лучше развестись? – спросил сын.

– Но вы же ещё совсем дети. Хотите жить в вечном перемещении из дома в дом, где вам всё время будут задавать вопрос, кого вы больше любите: маму или папу? – он честно не понимал их. Не терял надежду всё наладить и исправить, а они потеряли.

– Два спокойных дома, в которые ты хочешь приезжать, – это лучше, чем один, в который не хочешь возвращаться.

– К тому же нам тринадцать. Мы уже совсем не дети.

«А то как же! – подумал он. – Не дети. Ха! А потом начнётся. Зачем ты это сделал, мы хотели совсем не этого. Мама ушла из-за тебя. Папа ушёл из-за тебя...» Он прекрасно это знал. В своё время пережил нечто подобное.

– Вам, может, и тринадцать. Но Константину – пять. Вы о нём-то подумали?

– Он может остаться с тобой или с мамой.

– Лучше с мамой, – вставил своё слово его старший сын.

– А ты будешь его навещать. Или наоборот. Всё же просто.

Многие так живут.

Он лишь покачал головой.

Всё так просто. В их голове всё было так просто. Развод казался таким простым и практически решённым делом. Детей разделить, имущество тоже. Всё по законам и через суд, потому что полюбовно они вряд ли договорятся. Подумаешь,

кататься из одного города в другой, вечно менять школы. Хотя можно и вообще не уезжать. Просто папа будет к ним заходить.

«...А почему папа? Потому что я хочу остаться с мамой. Ну, а я с папой. Не будь глупым, Дилан, у папы никогда на нас нет времени. И на тебя не будет. Это не правда, и ты сама это знаешь. А что, если мама выйдет замуж? У нас будет отчим. Я не хочу жить с отчимом. Я тоже, но... Я не хочу называть его папой. Ты не будешь, перестань. Он тоже может жениться ещё раз. И что? Мачеха? Хочешь новую маму? Но, Злата, она же не заменит мне мать. Я не хочу новую маму. Ох, Константин, ты опять подслушивал? Не хочу! Только не плачь, боже...»

Всё же так просто. Они всё продумали, хотя ничего и не понимали. Не понимали, что, возможно, вообще не правы, ибо единственный раз, когда они захотели вмешаться во взаимоотношения их родителей, оказался самым неподходящим.

Но именно после этого разговора он начал задумываться, а не лучше было бы и правда развестись? Чего мучить друг друга, если им легче взять и разойтись? Только где ж это легче взять-то?..

Так, во время очередной ссоры она и сказала ему четыре страшных слова, на что он ответил: «Я тоже». И в этот раз ничто не могло обойтись, в этот раз они не смогли отменить действие и вернуться на последнее сохранение, как делали

раньше. В этот раз всё было очень и очень серьёзно.

Они подали заявление. Нашли адвокатов. Были в контрактах по всем пунктам. До такой степени, что даже хотели лишить возможности детей спокойно передвигаться между двумя роинами к родственникам без сопровождения взрослых, ведь их родители – выходцы из двух разных стран.

Хорошо, они бы смогли это пережить. Или не смогли бы. Но это осталось бы при них. Если бы не одно но. Через полгода должны были состояться выборы главы государства. И всё бы ничего, но он – один из кандидатов.

Глава 1

Нужен ли был ему этот бракоразводный скандал? Конечно же нет. Это определённо отрицательно отразится на его репутации. Ненужная реклама, особенно если до выборов осталось шесть месяцев. Поэтому его почти бывшая жена приняла достаточно мудрое решение. Обо всём промолчать, сделать по-тихому. Только получится ли по-тихому? Учитывая их социальное положение.

Идеальный кандидат и примерный семьянин. Их ячейка общества – образец сочетания профессиональной и личной жизни: политик и политконсультант, что может быть лучше? Именно жена стала одним из залогов его карьерного успеха. Она тоже могла быть кандидатом в главы своего государства – возможно, даже возглавить его однажды, но... Ради их брака, ради семьи она всем пожертвовала, в том числе и родиной. И в его стране она могла рассчитывать только на роль теневого игрока – политтехнолога, аналитика, консультанта, чего угодно, кроме выборной должности. Она была согласна. В том числе никогда об этом не жалеть.

– Госпожа Киллбёрн, вы уверены в своём решении? – действительно, была ли она уверена в этом решении? Нет, наверное. Или да. Или нет. Она не знала.

– Абсолютно.

По крайней мере это то, в чём она пыталась себя убедить, находясь в кабинете своего адвоката, дабы не разреветься на его глазах. Она уверена. *Уверена.* Всё правильно. Всё к лучшему. Это их совместное решение, никому от этого хуже не будет, потому что хуже уже быть не может. Или может? Да нет, не может. Они к этому разводу долго шли. Странное утверждение, но, наверное, это так. *Наверное.* Да, вот какое слово следует выставлять после каждого её умозаключения. Вы уверены в своём решении? Да, *наверное.* Я хочу развод. *Наверное.* Мы не можем больше жить вместе. *Наверное.*

– Катя, я, конечно, скорее всего, чего-то не знаю, но тебе не кажется, что, возможно, вы совершаете большую ошибку? – её подруга-соотечественница позвонила ей, как только она прислала сообщение с двумя словами: «Я развожусь». – Я имею в виду, мы все помним, как вы друг на друга смотрели. Не сразу, конечно. Сначала вы друг друга ненавидели, потому что были конкурентами. Конкурс дебатов, все дела.

– Господи, Света, это был так давно, что я даже не уверена, что помню, что тогда было...

– Да помнишь ты всё, чё врать-то?! Он же тогда тебя сделал.

– Он был старше. Мне было шестнадцать, ему двадцать и...

– То есть теперь это оправдание для тебя, да? Катя, – Света вздохнула, – он был первым, кто смог тебя одолеть в искусстве ведения дебатов. Это через год ты взяла реванш, вы-

вела нашу сборную на первое место, – Света усмехнулась. – Но всё же он тебя сделал.

– Да при чем тут чёрттов конкурс?! – она разозлилась. – Это всё прошло. В конце концов, сошлись мы не после этого конкурса. Это было гораздо позже.

– Ну да, сошлись бы вы тогда, его бы посадили, – тихо сказала в трубку Света. – Ладно-ладно, неудачная шутка. Давай вернёмся к более серьёзным вещам. Почему?

– Что «почему»?

– Почему всё не так?

– Всё сломалось, понимаешь? – Катя начала ходить из одного конца комнаты в другой. – Я имею в виду всё. Совсем. И навсегда.

– У него кто-то есть?

– Что? О чём... Нет. Нет.

– У тебя?..

– Света!

– Я просто пытаюсь понять, почему та пара, которую я считала идеалом, которую боготворила, вдруг взяла и разрушила всё, что у неё было. И как-то не хочется думать, что произошло это просто потому, что вы друг другу надоели, – она замолчала. – Я прилечу завтра.

– Не надо.

– Ещё как надо! Завтра.

– А как же твоя работа?

– Какая работа, милая? Я фрилансер. Даже если я с Луны

статью пришло, они даже не заметят. К тому же мне документалку снимать только через две недели. Так что сейчас у меня, так сказать, сбор материалов.

– Света... Спасибо.

– Катя, я не знаю, с чего вы вдруг решили, что вам будет лучше порознь, но я видела все года совсем другое. И... стоит ли игра свеч?

– Ты многого не видела. Не знала.

– Я надеюсь, вы не делаете это всё друг другу назло, лишь бы принести страдания, потому что ваш очередной скандал вышел из-под контроля?

– Нет, я так не думаю.

– А ты подумай. Всё, мне пора идти. Увидимся завтра. Пока.

Она повесила трубку. Катерина села за стол и начала листать в телефоне список контактов. Хотя она давно уже жила в другой стране и чаще разговаривала на языке этой страны, а не на родном, в её телефоне и других технических устройствах язык в настройках всегда стоял родной. И записывала она все контакты на нём, потому что так казалось ей лучше. Благодаря её же упорству дети стали билингвами, а муж выучил её язык не без помощи активного наставления. Это какое-то странное желание быть ближе к родине заставило её сделать родину вокруг себя. Только зачем всё это было нужно? Если в итоге её маленькая родина, где было комфортно и удобно, разваливается на части. Из-за неё.

Катя продолжила листать список знакомых имён, пока ей не встретилось самое нежелательное в данный момент. Итан. Она долго медлила, прежде чем тыкнуть на экране значок вызова. Поднесла телефон к уху. Как только на том конце взяли трубку, она сразу же сбросила, яростно продолжая тыкать по экрану, даже когда вызов завершился. Кинула телефон на диван и, сама не понимая почему, расплакалась.

Он ехал в машине, когда она ему позвонила.

Итан Киллбёрн так и не понял, поступает ли он правильно. Он не мог разобраться в ситуации. Определённо знал, что его дети ещё пожалеют о своём радикальном предложении. А в глубине души понимал, что и сам пожалеет о том, что повёлся на это, позволив ей довести свою многократно звучащую угрозу до логического конца. Но это было где-то на границах его подсознания, а самым им сейчас завладевали гнев, ярость и разочарование. Поэтому, когда Итан увидел, чьё имя высветилось на экране телефона с пометкой «входящий вызов», то немного ошалел.

Они не общались вот уже около недели, не считая не очень цензурных переписок. Но разве это можно назвать общением? Он долго думал, брать ли трубку. Сначала хотел отклонить, но потом, тяжело вздохнув, ответил на звонок. Не успел даже и сказать элементарное «алло», как она сразу же сбросила. Итан долго вглядывался в потухший экран телефона, прежде чем кинуть его на соседнее кресло.

— Ясно, — злобно сказал он. — То есть позвонить мы можем, а поговорить — кишка тонка, что ли? Ну и дура!

Но на самом деле он был так зол не из-за ее звонка. Кто-то, похоже, не смог держать язык за зубами, потому что поползли слухи о том, что чета Киллбёрн переживает некоторые трудности в отношениях. Правда, какого рода трудности, слава богу, никто не знал. И его пресс-секретарь должен был сделать всё, чтобы и не узнал. И вообще, чтобы об этом забыли. У них всё хорошо. Так должны были думать.

Киллбёрн. Их фамилия чётко соответствовала тому, что сейчас происходило в их жизнях. Они друг друга убивали и из-за этого сгорали. И проблема заключалась в том, что они были совсем не против этого. Им это даже чуточку нравилось.

Итан доехал до своего офиса, несколько минут посидел в машине, размышляя о дальнейших действиях, после чего отправился решать насущные проблемы своей предвыборной кампании. И не только своей, учитывая, что форма правления у них — это парламентская республика, а президент занимается примерно ничем, ибо его функции настолько сокращены, что он больше похож на «монарха для вида», чем на президента. А вот премьер-министр, на чью должность он и претендовал, это истинный глава государства, который и представляет страну в мире.

Он выслушал пару своих подчинённых, ответил на занимательные вопросы, назначил несколько встреч и побывал

на нескольких. И, сам того не заметив, Итан оказался в конце своего рабочего дня. Обычно, как только дела заканчивались, он спешил домой, к семье, но дома-то уже нет. Теперь динамика была другой: приезжал он – уезжала она, и наоборот. Поэтому Итан стал жить в городской квартире, но предпочитал оставаться на работе допоздна, чтобы не возвращаться в абсолютно одинокое и бездушное старо-новое жилое пространство. Которое ещё в начале брака они делили с Катериной, пока не переехали в загородный дом.

– О, ты ещё здесь. Отлично! – это был его пресс-секретарь. А по совместительству и очень хороший друг. – Видел цифры?

– Сколько?

– Пять процентов. Сорок два, тридцать семь, пятнадцать, четыре, два. Националисты совсем не в шоколаде. Пока, по крайней мере.

– Хорошо, – Киллбёрн задумался.

– Итан, – его друг вздохнул, зашёл и закрыл за собой дверь. – Не хочу спрашивать, но... как там Катерина?

Тот поморщился и покачал головой.

– Вы в контрах?

– Мы в гражданской войне. То есть я не знаю... Мы теперь даже не разговариваем! Всё, на что нас хватает, это злобные сообщения, половину из которых я даже не читаю, если честно. Думаю, она тоже, – Итан закрыл глаза. – Кстати, почему ты не умеешь держать язык за зубами?

– Я никому ничего не говорил.

– А почему тогда все знают?

– Они ничего не знают. Это домыслы и слухи. Подожди недельку, все успокоятся. Особенно если увидят вас вместе.

– Очень смешно, Джефф. Мы даже по телефону поговорить не в состоянии.

– Ты же сказал, что вы «злобно» переписываетесь, – Джефф пытался сгладить обстановку шуткой, но Итан грозно на него посмотрел. – Совсем?

– Она сегодня звонила. И повесила трубку. Это нормально?

– Позвони ей сам, – посоветовал друг.

– Да, а она, значит, трубку возьмёт? Я-то сомневался, брать ли, а она...

– Ты хотя бы попробуй. Вдруг возьмёт.

– А зачем? Какой в этом смысл? Нам не о чем разговаривать.

– О, поверьте, вам есть о чем поговорить. У вас очень много тем для разговора. А иначе вы бы не разводились. Вы всё откладывали свои проблемы на потом, а сейчас, когда их накопилось слишком много и вы не можете их решить, то нужно что сделать? Правильно. Развестись. Но это не выход.

– А что тогда выход?

Джефф в ответ лишь пожал плечами.

Он долго думал, звонить ли ей. Сделал всё, что было за-

планировано (да и то, что не было, тоже), полчаса ходил из одного угла комнаты в другой с телефоном в руках, время от времени оставляя его на столе экраном вниз. Это не давало никакого ощутимого эффекта, кроме разве что секундного облегчения. В итоге, поборов все свои предрассудки, он набрал до боли знакомый номер. Причём вручную, а не выбрав из списка контактов. Помнил наизусть, почти как молитву.

Итан не предполагал, что она возьмёт трубку. Но она ответила.

– Будешь снова молчать? – сразу же спросил он. Катерина же не ответила и даже не дышала в трубку. – Это уже давно не смешно. Издеваешься?

– Я? – раздражённо произнесла она. – Ты уверен, что правильно распределяешь роли? Я, по-твоему, главный мастер издёвок? Манипулятор года?

– О, оно разговаривает. Неужели? – Итан усмехнулся. – Зачем ты звонила?

– Забудь.

– Зачем?

– Да не знаю я! – злобно выпалила она. – Не знаю, ясно? Я вообще не понимаю, зачем это сделала. Пожалуйста, не докучай.

– Не докучай? Ну, здравствуйте. Может, это я ещё докучал тебе своим присутствием все эти пятнадцать лет?

– Ты хочешь сказать, что докучала я?

– Ничего я не хочу сказать. Просто выбирай выражения.

И не звони по пустякам. Мне сейчас не до тебя, – вообще-то он не хотел говорить последнюю фразу, но что-то мерзкое, какое-то противное чувство, заставило его это сделать.

– Как будто когда-то тебе было до меня...

– Ой, хватит, а! – он уже был раздражён. – Хватит нести чушь. Мне всегда было до тебя дело.

– Но не сейчас.

– Ты знаешь, почему.

– Нет, не знаю. Потому что ты сам не знаешь. Ты прикрываешься своим чёртовыми выборами! Раньше ты всегда спрашивал у меня совета, допускал до работы с тобой. А когда на носу важнейшие выборы в твоей жизни, ты отправляешь меня куда-то на задворки твоей предвыборной кампании. И почему? Сомневаешься в моей компетентности?

– Так вот в чём дело. Вот что тебя так раздражает. Ты боишься быть оставленной. Боишься, что тебя задвинет моё положение?! Боишься, что про тебя все забудут? – Итан усмехнулся. – Или что про тебя забуду я?

– Если ты думаешь, что я не смогу найти мужчину, чтобы коротать холодные ночи, потому что ты будешь пропадать на работе, решая, конечно, важные вопросы страны, а заодно иногда снимая стресс с помощью какой-нибудь любовницы, то ты ошибаешься.

– Ты такого плохого мнения обо мне? – они замолчали. – И вообще, не смей говорить мне про других мужчин. Я всё ещё официально твой муж.

– Это поправимо, Итан. И если для тебя это так важно, то считай, что у тебя больше нет жены, – после этих слов она повесила трубку.

– Чтоб тебя... – он бросил телефон на стол, сам сел в кресло и закрыл лицо руками.

В чём вообще был смысл этого разговора? Не нужно было ей звонить. Вообще. Никогда. Он только усугубил ситуацию. Они в итоге ничего не добились, лишь только больше разругались. Но они хотя бы поговорили.

Итан изначально не предполагал так агрессивно начинать разговор, но у него внутри закралась обида, которую он не смог подавить. Ему хотелось делать ей больно, потому он думал, будто она недостаточно страдает. Из-за него. Ему казалось, что он сам из-за неё страдает больше.

Он не поедет сегодня никуда. Ни в эту дурацкую квартиру, ни в свой старый дом. Останется здесь. Подумает. Что со всем этим делать. Хотя чего думать? Всё уже решено. Они всё решили. Осталось только правильно поделить. Имущество и детей. Правильно поделить! Как же смешно звучит. Разве в их ситуации можно что-нибудь поделить «правильно»? Его адвокат сказала ему нечто подобное. А ещё она была уверена, что они смогут оставить ему опеку над старшими детьми. Насчёт младшего не была столь однозначна. На имущество Итану было плевать, хотя он не хотел расставаться с летним домиком. У них не было брачного контракта, а ведь когда-то давно его отец предлагал заключить эту казавшуюся-

ся для него смешной бумажку. А Итан тогда не предполагал, что когда-нибудь с ней разведётся. Он считал, что женился навсегда. Но жизнь оказалась чересчур непредсказуема.

Глава 2

Звук вскипания электрического чайника разнёсся по всей кухне. Вода ещё бурлила, но Света, вооружившись чайным пакетиком, начала наливать кипяток в чашку, затем погрузила в неё пару раз чайный пакетик. Вода приобрела коричневый оттенок, и она тут же вынула пакетик, повторив эти действия со второй чашкой. Катерина очень внимательно за ней наблюдала, словно до этого и не видела, как заваривают чай.

– И что по этому поводу думают Дилан и Злата? – Света подула в чашку, а потом отпила и сморщилась – вода была слишком горячей. – Ой, не пей пока. Пусть остынет.

Катя поставила чашку, которую держала в руках, обратно на стол, а Света продолжила:

– Они вообще что-нибудь говорят?

– Хотят, чтобы это поскорее закончилось и в доме наконец воцарился покой, – Катя достала из холодильника порезанный лимон и поставила на стол.

– То есть их совсем не волнует, что родители разводятся?

– Волнует, конечно. Но они больше за, чем против. Странно, наверное, но... – она пожала плечами. – С Константином сложнее: он прекрасно понимает, что происходит, но не может это принять, – Катя вздохнула. – Боже, кто бы сказал, что будет так тяжело.

– Хочешь, расскажу весёлую историю о том, как я разво-
дилась со своим бывшим мужем?

– Мне кажется, я её уже слышала, – Катя слабо улыбну-
лась.

– Да, но кто же знал, что слово «развод» будет и к тебе
иметь прямое отношение?

– Что-то я не очень...

– Понимаешь, я и мой первый муж развелись, потому что:
а) мы поженились спонтанно, б) страсть долго не живёт.

– Подожди, мне казалось, что он тебе изменял, разве
нет? – Катерина взметнула брови вверх.

Светлана цокнула и закатила глаза, будто только что услы-
шала самую глупую и раздражающую вещь в своей жизни.

– Это всё детали! Изменил, умер – какая разница? Глав-
ное – мы не вместе, – она покрутила свои руки перед ли-
цом подруги, наверное, чтобы продемонстрировать отсут-
ствие кольца. – К чему это я? Ах да, смотри, сколько причин!
А у вас какая? – Света внимательно посмотрела на Катю. –
Смекаешь, да?

– Ну, если мы не можем жить друг с другом, то почему
должны продолжать это делать? Чем тебе не причина?

– А чем тебе не кризис среднего возраста? – у Светы все-
гда была активная жестикуляция, поэтому её руки всё время
взметались вверх и падали вниз, а Катя переживала, что её
подруга очень скоро что-нибудь разобьёт.

– О, поверь, для нас с тобой время этого кризиса давно

прошло, – Катерина усмехнулась.

– Ну, во-первых, не очень уж и прошло, а, во-вторых, ты подумай. Ещё не поздно всё исправить. Не хочу, чтобы всю свою оставшуюся жизнь ты... Жалела об этом решении, – Светлана покачала головой. – Но дело, конечно, твоё.

– Вот именно. Моё.

Почему она хотела развод? Почему он его хотел? Есть ли смысл вообще подписывать эти бумаги, чтобы потом услышать: «С этого момента ваш брак считается расторгнутым». А что будем потом? У него светлое будущее в роли премьер-министра (она почему-то не сомневалась, что он выиграет), а у неё? Она будет вынуждена уехать обратно, на родину? Так ведь? Но она же давно об этом думала. Хотела, желала. Одна или с детьми – это уже суд решит, но ей придётся начать всё сначала.

А что, собственно, Света предлагает ей спасти? Разбитый стакан обратно не склеишь. Они мертвы. Уничтожены. Их отношения не что иное, как пародия на семью. Тошно смотреть. Ей точно. А ему? А ему всё равно. Как всегда. Конечно. Он никогда с ней не считался. Как она вообще могла отдаться ему? Полностью и без остатка? Задвинуть себя ради него? А как же гордость? Где же она была? Почему молчала?

Итан не заметил. Он не понял, что она сделала. Она сама не поняла. «Вы сильная женщина, Катерина», – говорили ей. Да, но как же она быстро сломалась под натиском чуть более сильного мужчины. Или просто добровольно сдалась

ему, потому что того требовали обстоятельства?

– Вам нужно поговорить.

– О чём? – Катя усмехнулась. – Мне кажется, с этим уже покончено. Мы друг друга не слышим.

– Ты же не можешь игнорировать его всю жизнь. Он всё-таки отец твоих детей. Это как минимум.

– А как максимум?

– Ну, тут уже сама подумай.

Разговоры ничего не решают. Слова теряют смысл. Фразы произносятся, только чтобы заполнить пустоту, потому что они пришли поговорить, а не помолчать. Всё по условиям и правилам. Это игра такая. Всё очень просто.

– *Вы, главное, поговорите.*

– *Но это нам не поможет.*

– *А вдруг?..*

А что «вдруг»? С чего бы это этот разговор должен отличаться от других, которые у них были за все долгие годы совместной жизни? Что-то изменилось? Вряд ли. Вряд ли что-то может измениться. Нельзя решить проблему за один разговор, если они не смогли сделать это за пятнадцать лет.

Ладно. Как минимум он был отцом её детей. Трёх. И последний родился не так уж и давно, каких-то пять лет назад. И что же пошло не так? Всё же было так хорошо. *Так. Хорошо.* Что аж тошно, как хорошо. А, может, у него и правда любовница? Боже, какой бред. Он слишком занят выборами для этого. Он вообще слишком занят. Но ладно. Итан был

прав. Для неё и детей он время всегда находил. Всех других своих родственников он мог отодвинуть на задний план.

– Но кое-что ты всё равно упустил, Итан, – тихо сказала она.

– Что? – Света непонимающе посмотрела на неё.

– Ничего. У меня сегодня встреча с адвокатом. Мне нужно идти. Тебя подкинуть до центра?

– Хорошая идея. Мне как раз нужно встретиться с оператором. Подбираю себе команду для документального фильма.

– На этот раз что? Редкие животные или положение женщин?

– Хуже. Работа международных аэропортов.

– И ты согласилась?

– Ну-у, я хотела что-то новое...

Катерина рассмеялась, и они со Светой вышли из дома.

Дилан никогда не вмешивался в дела своих родителей. Он никогда и не собирался. Всегда чётко разделял, проводил линию между собой и ними. Злате, своей сестре, он советовал делать так же. Но она каждый раз отвечала, что это их семья. И всё, что происходит внутри их семьи, – общее дело всех её членов. Но Дилану как-то удавалось её сдерживать. До этого момента.

– Не нужно нам было ему говорить о разводе.

– А почему нет? – Злата с подозрением посмотрела на

него.

– Потому что теперь они и правда разводятся. Мы сделали только хуже.

– Хуже сделали они, когда это начали, – злобно ответила Злата. Она не любила оказываться неправой.

– Ну, если бы они не поженились, ни тебя, ни меня бы и в помине не было, – на удивление Дилан был абсолютно спокоен. Он просто констатировал факты.

– Ты хочешь сказать, что единственный способ для них избежать скандала был вообще не жениться?

– Ни один брак не обходится без ссор, – Дилан пожал плечами. – Это вроде как универсальное правило.

– А ты знаток, да? – Злата была очень раздражена и огрызалась.

– Ну, это же жизнь. Полоса чёрная, полоса белая. То, что делают мама и папа сейчас, – это влезают в крайности.

– Слушай, ты чего там по ночам читаешь, а? Хватит умничать. Ни ты, ни я, мы ничего не знаем об отношениях в браке и как их строить...

– Да что ты? – издевательски спросил Дилан. – Когда ты говорила папе, что ему следует развестись, ты, кажется, знала об этом больше, чем он сам.

– Заткнись.

– А что ты такая нервная? Это ведь правда. И если подумать немножко головой, то единственная причина, по которой они разводятся – это ты, – Дилан произнёс это спокойно,

без намёка на злобу.

– Нет! – крикнула Злата и набросилась на него. Он легко отшвырнул её к стенке, отчего она ударилась головой, закрыла лицо руками и медленно сползла на пол. Дилан слышал тихие рыдания своей сестры.

– Злата, – он сел рядом с ней, обнял её, но она не поднимала головы. – Злата, прости. Я не хотел. Это всё не так. Я не думал, когда говорил.

– Нет, – ответила она через несколько минут, чуть успокоившись. – Нет, ты прав. Не нужно было лезть. Я вложила эту странную идею в папину голову, потому что он никогда не соглашался, когда мама говорила, что разведётся. И им всегда удавалось всё наладить. А в этот раз он согласился и...

Она снова заплакала. Дело, конечно, было не в ней. И совсем не в ней. Или в двух её братьях. Дело было в самих родителях. Но эта мысль не давала Злате покоя. Она чувствовала свою косвенную вину за происходящее. Будто бы она была одним из тех странных летающих существ, которые обычно показывали в фильмах, когда человеку предстояло сделать трудный выбор. На одном плече – дьяволёнок, на другом – ангелочек. И всё бы хорошо, но она определённо чувствовала себя посланником Сатаны.

После того, как родители объявили им о намерении развестись, а также о том, что об этом пока не стоит распространяться, Злата поняла, что они задумали. Играть в супругов до выборов, а после – устроить тягостный бракоразводный

процесс. С делёжкой имущества, детей, воспоминаний... да, она сказала, что лучше бы они развелись, но на самом деле она этого никогда не хотела. Потому что тогда рассыплется всё, что Злата считала привычным и правильным.

Почему они так решили? Почему? Они же не могли друг друга разлюбить, правда? Потому что для неё они всегда будут друг друга любить. Даже когда разведутся. Даже если найдут новых супругов. Что бы ни случилось. А причина развода в другом. Их вынудили так сделать.. хм-м.. обстоятельства. Да, обстоятельства! По крайней мере, в это ей было поверить легче.

– Мы можем всё исправить, – сказала Злата. – Мы сможем соединить их обратно! Свести, подстроив что-нибудь. Мы можем...

– Злата, пожалуйста, не стоит, – умолял её брат. – Не надо нам больше туда лезть.

Она положила голову на плечо Дилана. Дети сидели в полной тишине, когда вдруг услышали странный звук. Как будто упало что-то большое и тяжёлое. Звук разбитых стёкол и какой-то машины, которая всё это разрушала. Похоже, сносили дом. Такой красивый и ухоженный. Недалеко тут стоял. И от этого им стало ещё грустнее.

Если бы бутылка виски решала все жизненные проблемы, он купил бы себе два ящика. Про запас. На всякий случай. И открывал бы очередную каждый раз, когда что-то шло не

так. Но виски приносил лишь временное облегчение, одну ночь крепкого сна и миллионы философских изречений. А наутро ещё иногда и головную боль.

У него всегда стояли две бутылки в кабинете. Но одну он допил вчера. А вторую, похоже, выпьет сегодня. Или не выпьет. В конце концов, дело вовсе не в количестве выпитого алкоголя и пустых стеклянных предметов у него в кабинете. Его жена от него ушла, он ушёл от своей жены. Всё упало.

– Мистер Киллбёрн, вы вообще меня слушаете? – его адвоката звали Марика. Имя какое-то неместное. Иммигрантка, скорее всего. Или из семьи иммигрантов. Хотя, если честно, они тут все из семей иммигрантов.

– Я? Да... Простите, мисс Кристич. Я просто.. эм.. задумался, – он взглянул на неё, она понимающе кивнула.

– Вы всё ещё сомневаетесь, мистер Киллбёрн?

– Пожалуйста, давайте перейдём на Итан и Марика. Если честно, меня начала бесить моя фамилия. Чуть-чуть, – Итан выстрадано улыбнулся. – Касается вашего вопроса, я не знаю. Наверное, я сомневаюсь. Пятнадцать лет в окно не выкинешь. Я пережил с ней очень многое, и так взять всё и разорвать... Это, знаете, не так уж и просто.

– Я понимаю, – она сочувствующе на него посмотрела.

Когда у них была первая встреча, Марика поняла, что этот развод станет одним из самых тяжёлых в её карьере. И дело было вовсе не в статусе пары, а в том, как он объяснял сложившуюся ситуацию и с каким лицом говорил о своей жене.

Она пять раз спросила его, действительно ли он этого хочет. Он пять раз дал положительный ответ. Он пять раз долго молчал перед ответом. Марика хотела его отговорить, но так и не попыталась. Потому что не смогла бы. И ей, конечно, клиента терять не хотелось, но она бы обрадовалась, если бы он сам где-нибудь потерялся. Желательно в своём браке.

– Мы с вами уже всё обсудили. Осталось только встретиться с вашей женой и её адвокатом, – Марика решила просто делать свою работу. В конце концов, её наняли для развода, а не для сеансов семейной психотерапии.

Итан кивнул, уставившись в окно.

– Почему вы разводите людей?

– Это моя специальность.

– Вы могли выбрать что угодно, но выбрали бракоразводные процессы. Почему? – Итан посмотрел на неё.

– Это прибыльно, – Марика пожала плечами.

– И всё? – Она кивнула. Итан усмехнулся. – Прекрасно, правда? Мы прожили пятнадцать лет вместе, разделили, пожалуй, лучшие моменты в своей жизни, а всё, о чём можем сейчас думать, – это какую бы ещё свинью друг другу подложить. И так как сами друг с другом мы разобраться не можем, вы, адвокаты, становитесь нашим лучшим оружием. За вами очень удобно прятаться. Особенно тем, кто пока не понял, что он творит.

– А вы не поняли? – удивлённо, но в то же время с ноткой раздражения спросила она.

Итан никак не отреагировал, лишь продолжил смотреть в окно.

Катерина пыталась вспомнить, почему она наняла именно этого адвоката. Эта деталь каким-то образом вылетела у неё из головы. Вообще всё, что было связано с её адвокатом, постоянно вылетало у неё из головы. Наверное, в психологии этому уже придумали название, но она не предавала своей избирательной забывчивости хоть какое-то значение. И правильно делала. Иначе в тот же момент, когда она начала бы искать какие-либо подводные камни в своих решениях, могла и передумать. Расходиться. Делиться. Разводиться. Нанимать адвоката.

– Катерина, смотрите, что у нас получается... – она его не слушала. Нет. Ей это было всё неинтересно. Точнее, ей это всё жутко не нравилось. Казалось каким-то неправильным. Или даже правильным, но ненастоящим. Бурное воображение. Разыгралось, так сказать. Так что нет, она его не слушала. Иногда, на секунду, она вообще забывала, кто он такой.

Он ей что-то объяснял. Что-то там про договоренности и её (почти бывшего) мужа. Детей. Имущество. Так, а при чём тут она? И почему он копается в её личной жизни? А, ну да, это же она его попросила. Катя задумалась.

– И вы уверены, что мы выиграем в суде? – вдруг неожиданно для себя спросила Киллбёрн.

– Я всё же надеюсь, что мы сможем договориться с ва-

шим... хм... мужем. Прийти, так сказать, к консенсусу.

– Вы не хотите доводить дело до суда? – казалось, она была удивлена.

– Без суда тут не обойтись, к сожалению. У вас есть несовершеннолетние дети.

Катерина молчала.

– Я знаю, что вы не хотите суда, но... – Её адвокат замолк.

– Откуда?

– Сами говорили. Помните?

А она не помнила. Ну, то есть совсем. А ведь это была чистейшая правда. Катерина рассказала своему адвокату, что не хочет громкого судебного процесса, да и вообще судебного процесса, чтобы лишний раз не поднимать шум. В каких бы контрах они ни находились, она почему-то очень хотела, чтобы он выиграл выборы. К тому же этот развод радости и ей мало принесёт. Всё может закончиться плохо. Для её карьеры. Может, не на родине, но здесь... Потому что ей кое-что кажется. Шёпот за спинами. Слухи. Взгляды, движения. Будто бы кто-то считает, что она сидит не на своём месте. Что дело только в её муже. И как только появится лишь малейший слух об их разводе, она тут же станет персоной нон грата. В любом политическом споре. В этой стране.

Хотя на самом деле она просто чёртов параноик.

– Вам знаком его адвокат?

– О да. Когда-то мы даже жили в одной стране, – он улыбнулся, после чего тихо добавил: – Пока та не развалилась.

– Вы земляки? – Катерина удивилась.

– Отчасти. Сейчас нас назвать так нельзя, но родились мы в одной стране, хотя в разных регионах.

– И что вы думаете о нём?

– О ней. Это девушка. Марика умеет делать невыгодные обстоятельства выгодными. Впрочем, странно было бы, если б не умела, правда? – он усмехнулся.

Она не поняла его юмора. Впрочем, его приподнятое настроение несколько озадачило её.

– Невен, вам не кажется, что я играю в какую-то очень странную игру?

– Ну, если вы называете бракоразводный процесс «странной игрой»... – Невен Петрич рассмеялся.

В этот раз её не понял он. Хотя Катерина пыталась донести до него одну очень важную мысль. Идею, которая, возможно, возникла у неё ещё в самом начале этой замечательной эпопеи. Осознание факта. Немой вопрос. С какой стати она вообще сняла это чёртово кольцо со своего безымянного пальца?

Глава 3

Итан всегда пытался следовать политике «несожаления». Придерживался мысли, что все вещи, совершённые и/или несовершённые, – свидетельства исключительно собственного, даже если и подсознательного, но выбора. Он искренне верил в это. Пока сам не разбил свою теорию.

Теперь же Итан не был уверен в том, что вообще выбор совершал. В том, что он был. Хотя он всегда есть, следуя его логике, но сейчас... Сейчас всё было совсем не так. Или Киллбёрн просто не видел выход из сложившейся ситуации. Вместо двух дверей его взору открывалась лишь серая стена. С какими-то странными надписями. И это были явно не подсказки, как добраться до дверей. Скорее наоборот.

Вот он и страдал в одиночестве от своей же идеологии. Ибо не понимал, где и когда ошибся в размышлениях – тогда или сейчас.

В его кабинет ворвался Джефф. Даже не поздоровавшись, он кинул ему на стол папку. Однако Итан и ухом не повёл. Тем временем его пресс-секретарь быстро перемещался из одного конца комнаты в другой, одновременно покрывая трехэтажным матом каких-то двух ребят, о которых сам Киллбёрн вряд ли когда-нибудь слышал.

– ...и, в общем, выхожу я из машины, так он подошёл ко мне и такой «здрасьте». Здрасьте? Какое «здрасьте», маль-

чик, не пойти бы тебе... — даже если бы Итан попытался, он бы не смог уловить основную мысль рассказа Джеффа.

— Что это? — Киллбёрн прервал своего друга и взял в руки папку.

— Что? — Джефф казался озадаченным — из-за резкого возвращения к реальности он не сразу понял, что от него хочет Итан. Он глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и обратил внимание на папку в руках своего друга. — А, это. Сегодня в десять Лекруа подал в отставку.

— Серьёзно? Его партия набирала же пятнадцать процентов.

— Именно. Я и решил узнать, почему. Вот, полюбуйся, — он махнул на папку. — Лучше бы не узнавал, конечно, так мерзко... В общем, спасибо моим многочисленным побочным связям. Кстати, сама партия не уходит. Однако из-за смены лидера она может потерять от пяти до семи процентов. Точно станет известно на следующей неделе, когда уже всё уляжется, они представят лидера и проведут повторные опросы.

— И кому уйдут эти проценты? — Киллбёрн вскинул брови вверх.

— Правильный вопрос, Итан. Может, тебе придётся совершить пару поездок на «территорию Лекруа», чтобы попытаться убедить тех, у кого закрались сомнения. Если всё делаешь правильно, станешь на шаг ближе к простому большинству и не придётся договариваться со всеми по портфелю.

лям министерским, но ты и сам знаешь.

Итан ухмыльнулся и открыл папку. Несколько секунд вглядывался в фотографии внутри, а затем сморщился и с отвращением закрыл документ. А когда-то Итан думал, что сексуальные скандалы уже не могут уничтожить конкурентов столь стремительно.

– Кто ж его так? – спросил он, швырнув папку с фотографиями Лекруа куда подальше.

– В смысле кто фотки сделал? Не уверен, но, как мне кажется, это проделки Дюпона.

– Ну да, в его стиле, – Киллбёрн постучал костяшками пальцев по столу. – Когда ехать?

– Где-то недели через две. Я потом скажу тебе точные даты. И... – Джефф помедлил. Он сделал извиняющееся выражение лица.

– Что? – Итан нахмурился.

– Хорошо бы взять с собой Катерину, – Джефф сказал это тихо, несколько боязливо, но его собеседник всё отлично расслышал и натянуто улыбнулся.

– Слушай, классная идея! – издевательским тоном начал Киллбёрн. – Вообще шикарная, где ж ты их берёшь?

– Не начинай, Итан. Она тебе поможет набрать эти проценты, придаст стабильности, солидности и прочей фигни, которую так любят люди. Почему нет? – он хлопнул друга по плечу. – Хочешь, я с ней поговорю?

– Исключено! – Итан встал и отвернулся от Джеффа. – У

нас на следующей неделе встреча с адвокатами. Не думаю, что мы будем после неё петь дружно Kumbaya под гитарку.

Ненадолго повисло молчание. Джефф ещё раз напомнил кандидату в главы государства, зачем они здесь все собрались, и что да, пресс-секретарь понимает, какое шаткое положение у его семьи в данный момент. Но это необходимость. Или нет. Пожелание. Но настоятельное. Может, им это даже и поможет. Хотя, по мнению самого Киллбёрна, им поможет только машина времени.

– Нет, она же сама хотела тебе помочь. Мы об этом уже разговаривали – это полностью ваша идея. Разыгрывать на публику, – Джефф не отступал.

– Тебе не кажется, что игра жестковата?

– Ну, вы ж оба политики. Такие игры – часть вашей профессиональной жизни. Должен был привыкнуть.

– С каких это пор брак – часть моей, нашей профессиональной жизни?

– С тех пор, как перестал быть частью твоей личной жизни.

– Пока не перестал, – Итан разозлился.

Джефф лишь снисходительно улыбнулся, сказал «конечно» и вышел из его кабинета.

Итан Киллбёрн снова оказался в созданном им самим парадоксе. Выхода не было. Машины времени не существует. К тому же её использование нарушало бы его моральные принципы. Политику «несожаления». Если он ни о чём не сожа-

леет, значит, и изменять ничего нельзя. Было это всё правильным или неправильным – другой вопрос. Главное – не сожалеть. Не подвергать сомнению. А иначе вся идеология, все принципы рушатся, как замок из песка. И так же стремительно, как и его брак. Впрочем, если что-то, что он считал непоколебимым и самым устойчивым из всех вещей на этой планете, уже разрушено, почему бы не разрушить и остальное?

Ей нужно было подумать. В голове застрял вопрос подруги: почему они разводятся? Она ему не изменяла. Он ей вроде тоже. Вроде? А вдруг всё-таки... Нет. Они ж не поэтому разводятся: она его не разоблачила, не застучала, он ей не рассказывал. Даже если и изменял, она не в курсе. А если не знает – не существует, не изменял. И домашнего насилия тоже нет. Тогда почему? *Не сошлись характерами.* Любимая отговорка другой её подруги. Иначе как ещё объяснить непостоянство, избегая фразы «мне просто так нравится»? И что это вообще значит? Разве можно понять только через пятнадцать лет, что вы не сошлись характерами? И тогда что, всё это было привычкой, притворством, желанием сохранить брак ради детей? Бред. И что же остаётся? Разлюбовь?

Когда-то давно ей предлагали фиктивный брак с очень перспективным молодым человеком. Она ничего против таких союзов не имела. В них, по её мнению, меньше разочарований. Там всё ясно сразу. Сердце тебе не разобьют, всегда

есть подушка безопасности, стабильность какая-то. Она любила это слово, «стабильность». Когда есть что-то или кто-то, кроме тебя. И ты знаешь, что оно никуда внезапно не исчезнет. Наверное, она бы согласилась. Если бы не появился Итан Киллбёрн.

Их знакомство началось с соперничества. Оба были в сборных своих университетов по дебатам. Международные соревнования всегда доставляли ей удовольствие, а она чувствовала себя по-настоящему взрослой: её окружали одни студенты, а ей было шестнадцать, и она училась в лицее при своём университете, пусть и в выпускном классе. Попасть в таком юном возрасте в сборную и выйти на мировой уровень считалось чем-то исключительным. Она предполагала тогда, что это – начало звёздной политической карьеры.

А потом появился он. Их сборные постоянно встречались на разных этапах соревнований, и её всегда ставили против него. Сначала это было совпадением, а потом превратилось в своего рода традицию. И какое-то время она жила этим соперничеством, дышала им.

Катерина придумала себе занимательную игру, в которую мысленно играла вдвоём с ним. Соревнование. Непонятно только, по какому виду политического спорта, потому что дело было не в дебатах. Она пыталась его перескочить. Причём буквально во всём: в знаниях, навыках, карьере, достижениях. А когда он исчез из её жизни на какое-то время – когда закончил университет и перестал играть за сборную –

она восприняла это как свой выигрыш. Только потом пришло осознание, что эта победа ей вовсе и не сдалась. А само соревнование ей нравилось больше всего остального. Да и толку, что она победитель в своей же игре, о существовании которой он даже и не знал? Кому это было нужно?

На какое-то время она утратила желание что-либо делать. Он исчез. Достойных соперников она больше не знала. А зачем что-то делать, если никто не увидит? Не оценит? Если некого впечатлять? Когда он исчез из её поля зрения, ей было двадцать. В двадцать четыре она вышла за него замуж.

Хоть Катерина и недолго карабкалась по шаткой лестнице политической карьеры в своей стране, она упорно работала, чтобы завоевать авторитет. Никто и подумать не мог, что она так легко всё это оставит и улетит в другую страну, навсегда забыв об амбициях в рамках границы своей родины. Это было необдуманно и очень спонтанно. Даже нестабильно. Она понимала, что после этого сама никаким премьер-министром уже не станет, но он ей сказал, что хочет однажды возглавить своё государство. И Катерина знала, что может ему помочь – и помогала изо всех сил. Как могла

Со временем, впрочем, они стали всё больше и больше расходиться в рабочих графиках. Когда она родила первую двойню, он стал реже обращаться к ней как к политическому консультанту, реже просить совета. Причины были логичны: два маленьких ребёнка, она много уставала, и он не хотел её нагружать. К тому же политический ландшафт его родины

отличался от её опыта на родине и... Тогда она не придавала этому большого значения, но после рождения третьего ребёнка отстранённость Итана стала заметнее. В конце концов, он становился старше, место лидера государства ощущалось всё ближе, а, значит, уходило больше времени на попытку завоевания любви избирателей. А потом он стал главой партии, и всё совсем пошло наперекосяк. В её глазах.

Катерину раздражало это. Что Итан Киллбёрн не подпускал её, свою жену, к избирательной кампании. А особенно, что не подпускал как профессионала: её роль была ограничена до «супруги кандидата», но разве это честно? Это же были и её амбиции. Она хотела самореализоваться через него. Проецировала себя на него. Это как конечный пункт. Как её личная избирательная кампания. Которой у неё никогда не будет из-за него. Почему он этого не понимает? Не ей же ему объяснять. Должен был догадаться.

– Вот уеду отсюда обратно и буду участвовать в выборах. Мэра, губернатора, депутатов, президента! Конечно, придётся напрячься. И паспорт этот вшивый выкинуть. Этой кошмарной страны, где я никому не нужна, – её мысли вслух становились в последнее время всё громче.

Зазвонил телефон. Причём домашний. На них что, ещё кто-то звонит?

Это из школы. Дилан ввязался в драку. Она не понимала. Её сын никогда такого не делал, всегда держался в стороне. Было ли это следствием процессов, происходящих дома?

Или чего-то другого?

Катя быстро приехала в школу. Дилан сидел у кабинета директора с ссадинами на лице и порванной рубашкой. Мать и сын смотрели друг на друга, и Катерина не могла понять, что надо сказать. Как себя вести. Только она открыла рот, чтобы спросить у него, почему он подрался, как её вызвала к себе директор.

– Миссис Киллбёрн, у вас какие-то проблемы дома? – Катерина прослушала объяснение всей ситуации и претензии матери другого мальчика. Она была глубоко в своих мыслях. Пыталась понять, что сделала не так.

– Что? Нет, – она ещё раз повторила «нет», последний раз менее уверенно. – Всё хорошо.

– Вы знаете, что успеваемость Дилана за последние две недели существенно упала? Он часто пропускает занятия.

– Простите, я... Я не знала, – Катерина обернулась и посмотрела на стеклянную стену, за которой была видна макушка Дилана. – Понимаете, у нас сейчас на носу с мужем крупная избирательная кампания, не за всем удаётся следить.

Директор улыбнулась то ли сочувственно, то ли осуждающе – Катя до конца не поняла.

– Я не буду пока что предпринимать никаких серьёзных действий. Исключительно потому, что Дилан до поры до времени был одним из лучших учеников класса. И никогда не попадал в неприятности. Понимаю, переходный возраст. Ни-

когда не знаешь, когда ожидать сюрпризов. Но советую вам поговорить с ним. И уделять больше времени его... делам, — директор долго пыталась подобрать последнее слово, но ничего более красочного не смогла найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.